

The background is a dark, textured surface, possibly a wall or a piece of metal, showing signs of decay and damage. A human skull is visible in the upper right corner, partially obscured by shadows. In the center, there is a faint, reddish-pink handprint. The overall atmosphere is mysterious and macabre.

Григорий Поздняков

Невыдуманнные мистические истории

Пролитое вино

Григорий Олегович Поздняков

Пролитое вино

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34712817

ISBN 9785449302120

Аннотация

Эти истории мне рассказывали разные люди, и все они говорили, что это «чистая правда», многие истории происходили именно с теми людьми, с кем мне доводилось общаться. Я просто придал этим рассказам художественные облик. Вот, может быть, в этом моя малая заслуга, уважаемый читатель, но самый последний, тот кто может вынести свой вердикт – это вы.

Содержание

Григорий Поздняков	5
Вишневый омут	6
Ласточка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пролитое вино

**Григорий Олегович
Поздняков**

© Григорий Олегович Поздняков, 2018

ISBN 978-5-4493-0212-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Григорий Поздняков

Невыдуманные мистические истории.

Эти истории мне рассказывали разные люди, и все они говорили, что это «Чистая правда», многие истории происходили именно с теми людьми с кем мне доводилось общаться. Я просто придал этим рассказам художественные облик. Вот может быть в этом моя малая заслуга, уважаемый читатель, но самый последний, тот кто может вынести свой вердикт это вы.

Вишневый омут

Лето в этом году выдалось жаркое и сухое. Солнце как будто хотело умышленно спалить все дотла. Воздух был пропитан зноем и пылью. И дышать становилось очень тяжело особенно в полдень в самый пик летней жары.

Но, тем не менее, жители маленькой деревеньки Безобразовка в Саратовской губернии, как по команде шли работать в поле на сенокос. Жатва была в полном разгаре и никакие погодные условия не могли сельчанам помешать сбору урожая. Они вели достаточно консервативный и вполне узаконенный ими самими образ жизни. Рождались и умирали в строго установленном порядке природой, а может богом. Это как кому нравилось. Казалось уже заранее каждый житель села знал, что он будет делать в своей жизни. Что он будет, есть, как он будет работать, с кем спать и как померет. Все было predetermined заранее невиданной силой, которая установила свой порядок в этом однообразном мире под названием село Безобразовка. Кто дал этому миру такое смешное название, не мог вспомнить никто. Да особо никто и не пытался придаваться таким воспоминаниям, и выискивать истоки этого причудливого имени.

Хотя вопреки такому странному названию, красотой эту местность природа наделила отменной. Красивые степи с равнинами, которые были иссечены дорогами и густой тра-

вой. Иной раз казалось, что равнина дышит, когда порывистый летний ветер поглаживал высокую степную траву. Красивые деревья низким поклоном нагибали свои нежные и густые ветви.

Ранним утром жители села Безобразовка шли на уборку урожая по узкой и пыльной дороге. Косы были наточены с вечера и слегка блестели от утреннего и не такого знойного солнца.

– Михайло ты чего такой грустный али не выспался. Что ночью то делал. Небось, все у Дуняши под окнами околачивался. – Окрикнул здоровяк мужик Василий. И среди работников сбора сена раздалось задорное похихикивание.

Только Михайло высокий и статный сельчанин угрюмо смотрел в поле. Он промолчал, махнув рукой толпе.

Михайло долго вот уже целый год ухаживал за Дуней чуть полной, но красивой девицей села. Но Дуня была неприступна и всегда давала жесткий девичий отпор всем мужчинам села. А охотников за Дуняшиной красотой было предостаточно. Дуня была на выданье.

– Михайло, слышал, что у Дуни сегодня именины? – крикнул нерадивый Петро, лицо которого напоминало сито, так как Петя в детстве переболел оспой.

– Она полсела пригласила. Бражку уж с неделю как творить начала.

Михайло пойдешь, али нет?

– Ну, так что именины, ежели все пойдут так и я. Браги –

то все хотят попить.

– Да, ты чай не из-за питья попрешься, а только в Дунины глазищи позыркать.

– А тебе-то, что завидно, что ли?

– Нет, я ей в женихи негод. Я ростом не вышел и рябой к тому же – с сожалением проскулил Петро.

– Ладно, други, хватит треп разводить, пора и за работу приниматься. А вечером гулять будем с Дуниной брагой – важно закончил Михаил. И работнички встали в поле на покос травы. Лезвие косы вжикало и почти под корень срезало травушку в поле. Работа шла чинно и в аккурат. Ладилось дело, а значит, ладился и отдых.

А к вечеру вся ослабевшая от работы компания собиралась на именины к Дуняше.

Михайло, как всегда, к утру наточил лезвие косы. Снял грязную рубаху и вылил на себя ведро холодной колодезной воды. Обтерся полотенцем и одел чистую красную рубаху с красивым воротом, напялил яловые сапоги, предварительно начистив их сажей до блеска. И отправился ко двору милой и неприступной Дуняши. Шел чинно и аккуратно по пыльной дороге, дабы не испортить блеск сапог.

Народу прибыло человек десять, все были нарядные и ухоженные, мужчины, гладко зачесанные на прямой пробор. А девицы были одеты в яркие платья, а на голове были красивые платки с бахромой. Пригласили баяниста из соседнего села, он чинно наигрывал веселую барыню оттопы-

вая в такт ногой. Дуняша делала последние приготовления стола. Она по – хозяйски расставила посуду и угощения. Соленые огурчики из кадушки, капуста рассыпчатая, молоденькая картошечка блестела, политая душистым подсолнечным маслом и, конечно же, грибочки. Их в этих краях было в изобилии. Особенно ценились жиденские и маленькие грибы на тонкой ножке под названием лисички. Одним словом, угощение было простым, вкусным и полезным. Брага была поставлена из погреба на стол в двухлитровых бутылках и капли влаги медленно стекали по стеклу. Вечер был теплым и уютным. Народ шумел и озорничал.

Брага наливалась в граненые стаканы и выпивалась залпом. Мужчины поднимали тосты за молодость и красоту именинницы. Дуня кокетничала и посмеивалась на комплименты гостей и давала команды на налитие очередной дозы мутного и холодного напитка в стаканы. От шума опьяневшей толпы стали подвывать соседские собаки, наводя на гостей таинственное настроение полной луны.

Время шло к полуночи, но гости не собирались расходиться по домам. Шутки стали редки. И рябой Петро сладко зевнул, упав на сырую землю возле стола, вконец опьяневший. Мужики не стали его поднимать и со словами: «Проспится – сам поднимется», махнули на него рукой.

Из толпы раздался голос вдовы Глафиры, муж которой погиб на фронте в первую мировую.

– А может искупаться съездим. Водица нынче теплая.

Народ быстро среагировал на предложение и со словами: «Айда в реку, плавать будем» Начали вставать из-за стола.

– Погодите, стойте, – закричал здоровяк Василий, – а слабо на Вишневый омут сходить поплавать?

Толпа, как по команде, перестала галдеть и встала как вкопанная. После минутной тишины раздался скрипучий голос деда Прохора, который весь праздник просидел за столом, изредка кушая соленую капусту с картошкой, почесывая свою седую и пышную бороду.

– Нет, юнцы туды ночью нельзя. Плохое там место, гиблое.

– Почему? – в недоумении спросил Михайло, – бредни все это, не верю я в эти басни.

– А зря не веришь, я много историй об этом месте слышала, – тихо проговорила Дуняша.

– А что слышало-то?

– Нечисть там ночью водится, вурдалаки, кикиморы и покойники ходят.

– Брехня все это, – махнув рукой сказал Михайло.

– А вот и не брехня, – перебила его красавица Дуняша.

В разговор вступил дед Прохор.

– Нет, юнцы, не треп это. Я много пожил и знаю это гиблое место, его еще называют, чертов Вишневый омут.

Раздались голоса молодежи: «Расскажи, расскажи дедушка Прохор»

– Ну, раз просите, поведаю я вам историю, которую мне сказывали про это жуткое место много рассказчиков и оче-

видцев. Но только, чур, не перебивать и не смеяться.

– Нет, нет, не будем, – завопила толпа.

Дед Прохор облокотился на завалинку и начал свой рассказ.

– Жил у нас на окраине цыган, наполовину он был русским. Красивый и пригожий мужик был. Звали мы его Яшка полукровка. Недалеко от Березового оврага была у него кузница. Работящий был мужик, все у него в руках горело. Подковы он крепкие гнул. Да и лошадь отменно мог подковать. Пошел он раз на ярмарку в село Монастырское конягу себе прикупить. Да заторговался там аж до позднего вечера. Ну, коня купил, а на новое седалище денег у него не хватило. Пришлось ему под уздцы коня вести. Да вот дернул его нечистый дорогу сократить, мимо этого чертового омута обогнуть.

Дед Прохор сделал паузу, почесал седую бороду и сказал: «Дуняша, а не поставишь мне чайку, а то что-то в горле пересохло после квашеной капусты?»

– Конечно, дедушка, принесу, – мило ответила Дуня. Она быстро встала и пошла за самоваром.

– Да и если можно с крендельками, – добавил дед Прохор.

Хозяйка мгновенно накрыла стол к чаю. И все принялись за чаепитие.

– Ну, продолжай, дед Прохор, стала уговаривать его молодежь.

Дед отхлебнул из глиняной чашки чай и продолжил:

– Так вот, что он там видел никто не знает. Прибыл он к нам на постой только через три дня. Весь худющий, как мертвец. Глаза впали, небритый и руки в морщинах ну прямо другой человек. Но самое главное, что волосы на голове у него стали седые, белые, как первый снег. Пришел он, значит, в свою кузницу, сел на табуретку и просидел так часов пять. А потом как вскочит, да как побежит по деревне босиком с криками: «Бойтесь люди омута Вишневого, бойтесь люди омута чертового» Бегал он так с час, все наше село оббежал. Мужики было остановить его пытались, да селищем он был велик, не смогли. Видать совсем Яшка-полукровка рехнулся головой. Так вот оббежал он все дворы в селе, потом вышел посреди площади, что в центре, упал на колени, сорвал с себя крест и плюнул на него. Да как заорет на незнакомом никому языке, упал и дух испустил. Мертвым за мгновение ока стал. Ну, похоронили мы его значит, как полагается по-людски, через два дня предали земле. А на четвертую ночь его видели у своей кузницы, ну как живой стоял и смотрел в сторону Вишневого омута. Жуть тогда он навел на всех жителей села невероятную. Ну, народ стал поговаривать, что упырем он стал. Вызвали, значит батюшку, священника из соседней слободы Баланда. Он приехал водой святой могилку Яшину окропил. Ну и вот, а все равно не помогло это душе цыганской, не успокоится она никак, не найдет небесного пристанища. Да я и ныне, порой, когда коровушку свою с пастбища веду, проходя мимо Яшкиной

кузницы, вижу, как из заколоченных окон свет пробивается и стук молота слышу. Не смог успокоиться цыган после ому-та Вишневого. Видать там его душа обитает. Вот такая исто-рия произошла.

После такого рассказа воцарилась тишина на три минуты. Нарушил ее Михаил.

– Брехня, все это!

– Ты что, пострел, думаешь, дед Прохор враками тебя кор-мить будет – захрипел рассказчик.

– Не знаю, дед Прохор, но чудно все это получается – стал оправдываться Михаил.

– Чудно не чудно, а знаешь, как омут этот получился? А вот и не знаешь.

Молодежь опять затороторила: «Расскажи, дедушка, рас-скажи!»

И дед Прохор продолжил свой рассказ.

– Мне мой дед сказывал эту историю, а ему в свою оче-редь его отец. На месте этого ому-та была равнина, а рядом с ней село Вишневка. Решили сельчане построить церковь, хорошую, красивую и по-доброму творить ее стали. Строили долго, но сделали на совесть. Хотели к пасхе ее осветить, ну так и получилось. Все село на службу пришло. И как толь-ко началось празднование, земля под храмом расступилась, и церковь вместе с прихожанами под землю и ушла.

– Так и провалилась, – вскрикнула Дуняша.

– Да ну, удивленно, – сказал Василий.

Только Михаил сидел молча, попыхивая самокруткой.

– Вот такая жуткая история произошла на том самом месте, много лет назад. Много людей из соседних деревень пытались отрыть храм с прихожанами из деревни Вишневка, но видать глубоко она под землю ушла. Но стон и плач стоял из-под земли очень долго, почти два месяца. Говорили, что он был такой гулкой и ужасно устрашающий. Ну а потом откуда не возьмись вода из-под земли выступила и затопила эту впадину. Вот так и образовался на том месте Вишневый омут. И с тех пор чудеса там всякие творятся и наводят они ужасы на всех, кто побывал в этом проклятом месте. Да что говорить, много историй ходят в нашей местности об этом гиблом месте. Ну, как-нибудь я их вам расскажу, ну конечно те, которые знаю. А сейчас спать пойду, а то у меня глаза уже слипаются.

Дед Прохор тяжело встал, и поплелся к своей хате, опираясь на клюку, что – то бормоча себе под нос.

Девушки как – то съежились и стали прижиматься друг к другу.

А ребята тупо уставились вслед уходящему деду Прохору. Молчание как всегда нарушил Михаил:

– Слушайте вы эти бредни старика Прохора. Нет там ничего и все эти басни дед, небось, сам навывдумывал.

– А я вот верю, – тихо сказала вдова Глафира, – мне мой покойный муж Федор тоже много историй рассказывал.

– Брехня, все это, чистая брехня! – кричал неугомонный

Михаил, —

я могу и ныне, поехать на своем гнедом, и искупаться в этом омуте.

– Не храбрись Михайло, – вмешался Василий

– А что храбриться, вот возьму и искупаюсь, да хоть сейчас.

– Не дури, Михайло, зачем со смертью то играть, – кричал проснувшийся Петро.

– А мне нравится это дурачество. «Докажи Михайло, что ты удалой храбрец», – сказала уставшим голосом Дуняша.

– Михаил встал со скамейки, одернул рубаху, подтянул голенище сапог и сказал:

– Ну, Дуняша, ради только что твоей красы неземной. Я только за кобылой сбегаяю.

– погоди, Михайло, а, чтобы ты нас ненадурачил ты в доказательство мне оттуда лилию привези, тогда все и поверят.

Михаил незамедлительно побежал за лошадью на свой двор. Прискакал быстро, галопом.

– Все отроки други не поминайте меня лихом, али плохими словами, если все эти бредни старика окажутся правдой.

Михаил ударил коня в бок сапогом, и кобыла уверенно поскакала по дороге. Только пыль столбом пошла, когда Михаил направил лошадь в сторону таинственного и легендарного Вишневого омута.

Ночь была свежая, луна мягко освещала узкую дорогу. Она словно поглаживала ее своими матовыми лучами. Сте-

пи дышалось легко, запахи свежей травы добавляли в ночную прогулку свой незабываемый душистый аромат. Ветер мягко обдувал плечи Михаила, а лошадь уверенно скакала по степной дороге, легко подчиняясь наезднику.

В душу Михаила стали вкрадываться непонятные ему самому сомнения о правильности его поступка. Он ехал и думал: «А вдруг все это правда и дед Прохор рассказывал не сказки, а быль об этом не лудимом месте. Черт его знает ведь, в этом грешном мире может происходить и не такое. Но со мной таких чудес не бывало», но дороги назад у него не было. Да честно признаться, поступок он этот совершал не для того чтобы доказать, что Вишневым омут обычное место, а показать свою храбрость перед Дуняшей, в которую он был давно влюблен.

Ехал он недолго, как впереди себя увидел черный силуэт человека. Казалось кто – то шел по дороге впереди него. Михаил решил, что это странник, который сбился с дороги или торговец, возвращающийся с ярмарки. Человек приближался все ближе, но лица еще нельзя было рассмотреть. И только когда он поравнялся с путником, он дернул лошадь за уздцы, попытавшись остановить ее. Но кобыла начала хрипеть, и бить копытом о землю.

– Доброй вам ночи! Куда путь держите? – с лихвой сказал Михаил, с трудом сдерживая лошадь.

Человек поднял голову и улыбнулся. Такого взгляда Михаил не встречал нигде. В его глазах было отражение необъ-

яснимой пустоты. Эти глаза совершенно ничего не выражали, взгляд был мертвым и бездушным. Михаила прошиб холодный пот и по спине побежали мурашки. Он не смог различить черты лица человека, но было видно, что путник молод. Только волосы были седыми. Странник поднял руку вверх и показал пальцем в темное небо и опять улыбнулся ехидной улыбкой. Михаил решил, что человек немой, или не желает с ним разговаривать. Он ударил лошадь по боку, и поскакал дальше.

– Кто бы это мог быть? У нас в деревне такой не живет, вроде все дворы знаю. Откуда он взялся здесь ночью. Да много ли на свете людишек болтается, – думал Михаил. Но вдруг перед ним всплыл рассказ деда Прохора про кузнеца Яшку: «Да нет ерунда, какая – то, не верю я в это» Михаил оглянулся назад, но путника уже не было. «Не мог же он так быстро уйти. Может быть в лес свернул. На все – таки странный тип. Ночью один без лошади ходит по степи. В такое время и на волков нарваться недолго. Да и кабан нынче свиреп. Идиот, какой – то», – размышлял Михаил. В своих размышлениях он не заметил, как стали появляться очертания Вишневого омута.

Михаил подъехал ближе и остановил коня. Он быстро слез с лошади, перевел дыхание и тяжело вздохнул. Привязав кобылу к дереву, он направился в сторону омута. Подойдя к воде, он обратил внимание на гробовую тишину, царившую вокруг этого места. Не было слышно даже кваканий лягу-

шек. «Да мрачноватое местечко», -подумал Михаил, стягивая с себя рубашку. Только отблеск луны придавал этому месту какую – то неземную, и потустороннюю жизнь. Она отражалась в глади воды и давала матовое свечение ее поверхности. Гладь была неподвижна и не предвещала никаких неожиданностей. От омута тянуло холодом, и Михаил его сразу почувствовал.

Он сел на трухлявый пенек и стал снимать сапоги, с опаской поглядывая на темную воду. Вдруг он заметил на глади воды мерцание слабых огоньков. Они то зажигались, то гасли разноцветным сиянием. Казалось, что омут стал понемногу оживать. «Красота то какая!» – подумал он и еще ближе подошел к воде, чтобы принять водную процедуру. Свечение огней гипнотически притягивали к себе. И Михаил уже не мог оторвать взгляд от диковинной картины, которая творилась перед его глазами. Казалось, что начинается необыкновенное представление, для одного зрителя. Огоньки вырисовывали причудливые фигуры. Было такое ощущение, что они хотели показать несложную геометрию своим мерцанием. И Михаил заметил, что из воды стало вырисовываться строение, какого – то сооружения. Он на минуту перевел дыхание и четко увидел купол церкви, который неподвижно стоял под водой. Только на нем не было креста.

В этот момент его как молнией ударило: «Это же церковь, которая ушла под землю» Стали вырисовываться причудливые фрески и лики святых, только с какими -то злыми гри-

масами. У Михаила стали подкашиваться ноги, и он облокотился о дерево. Голова закружилась, он собрал все свои силы и бросился в омут за лилией, которая росла недалеко от берега. Михаил быстро сорвал ее и в этот момент он услышал мелодичный и чарующий женский голос: «Иди к нам, подойди ближе, останься с нами, не уходи» Голоса напевали все сильнее и сильнее. Они доносились со всех сторон. Потом раздалось мужское хоровое пение, оно шло из глубины омута. Михаил, зажав в руке лилию, громко крикнул: «Эй, кто здесь!» И услышал ответ все тем же пением «Ты не один, мы с тобой» Омут ожил, он пел и разговаривал с ним мелодичной и чарующей песней, она словно гипнотизировала его.

– Ой, чур меня, это же русалки и кикиморы, – пробурчал он себе под нос и наспех стал накладывать на себя крестное знамение.

Мелодичное пение стало превращаться в истерический смех. Кто – то пытался грубо схватить его за ногу. Он стал быстро выходить из воды, напоследок сплюнул в сторону омута. И бегом побежал к лошади. Крики и смехи доносились из кустов и камышей. Омут проснулся и жил своей ночной жизнью.

Михаил не стал одеваться, он схватил на бегу свои вещи, вскочил на лошадь в чем мать родила и галопом поскакал в сторону деревни Безобразовка. Он без остановки гнал свою лошадь и только, когда увидел огни родной деревни, остановил ее и перевел дыхание. Михаил, не спеша, оделся и по-

ехал ко двору Дуняши.

Именинница сидела на скамейке и лузгала семечки.

– Ну что, Михайло, привез мне цветочек с омута чертового.

Михаил, ничего не говоря, протянул ей лилию, потом влез на лошадь и не спеша поехал к дому. Он долго не рассказывал эту историю никому, но прошло много времени. У Михаила с Евдокией появились дети, а потом и внуки. И одному любознательному внуку Грише, то есть мне, он рассказал эту невероятную историю. И я, действительно верю, что так все и было, потому что сам бывал в этих местах. И люди до сих пор стараются обходить стороной Вишневый омут.

Ласточка

Этой зимой холода опускались за тридцать. Саратову это было несвойственно. И контрасты температуры значительно давали о себе знать людям с ослабленным здоровьем, особенно эти скачки ощущали на себе гипертоники и люди пожилого возраста. Холода словно сковывали всё вокруг, окутывая мерзлой паутиной пространство. В городе мороз ощущался не так как в селе. Казалось город, как мог, согревал своих жителей издавая слабое тепло жизни, под тусклыми фонарями городской рекламы. Жители города с большим нетерпением ждали оттепели, но она наступала на столько резко и на немного, что тело начинало ломить, с непреодолимой болью в суставах и мышцах. Хотелось обратиться к сильному и здоровому массажисту, чтобы он как-то помял тебя, как кондитер рыхлое тесто. Но такое удовольствие мог позволить себе далеко не каждый.

А потом опять до минус тридцати. Да, тяжелая зима была в том году. Но самое ужасное, что от этих катаклизмов, было некуда скрыться. Даже крыша собственной квартиры не спасала, так как жилищная контора периодически давала сбой с теплом. Они как будто сговорились с метеорологами, чем сильнее был мороз, тем слабее грели батареи и наоборот. А иногда в трубах образовывались какие-то немислимые пробки или воздушные пузыри и теплая вода вовсе

не поступала в трубы. Было такое ощущение, что ты живешь не в квартире, а в каком-то заброшенном доме, как бомж. И когда по звонку, на третий день, приходил водопроводчик, так называемый «хранитель домашнего тепла», у которого в жизни был вечный праздник, судя по его лицу, которое напоминало лимон после третьего стакана чая, ты понимал, праздник был и будет. Можно было окончательно околоть, прыгая на одной ноге, как цуцик по квартире. Потому что тепловой обогреватель мог позволить себе не каждый, так как магазины, которые занимались продажей такой нужной и необходимой в быту техникой, взвинтили сумасшедшие на них цены, с полугодовой гарантией на тепло и уют в вашем доме. В общем, живите, как можете, а не можете то все равно живите, ведь в крещенские морозы умирать никому не хочется, так как земля на кладбище промерзла на полметра. И тихие тела в морге, будут с нарастающим нетерпением ждать весенней оттепели, дабы их отправили в последнее место пребывания, ибо земля в данный момент наотрез отказывается это делать. Вот в это суровое, зимнее время произошла эта история.

Сергей Потапов- юноша двадцати пяти лет от роду, в прошлом году закончил медицинский университет по обычной специальности- врач скорой помощи. Учился Серега с горем пополам, прыгая с тройки на четверку, потому что очень любил погулять в светлые студенческие годы. В общем, парень он был сообразительный, как в таких случаях говорят, «ло-

вил все на лету». Но веселый образ жизни в студенческой общаге не давал ему ни минуты, чтобы хоть раз за шесть лет сесть за учебники и сосредоточиться. Но глубже чем в мышечные ткани он старался не углубляться в медицинскую науку. Да и поступил Серега в медицину не по своей воли, а по настоянию своих родителей, которые мечтали дать своему сыну серьезную профессию, потому что сами были врачами. Отец видел наплевательское отношение сына к учебе, и при очередном завале экзамена всегда говорил: «Если будешь плохо учиться, будешь жалким проктологом». Если вы не знаете, кто такой проктолог, советую обратиться в медицинский справочник. Так как этот рассказ весьма приличный то засорять его всякими глупостями у меня нет никакого желания. Но даже проктологом Серега не стал, так как получить даже такую немаловажную профессию, необходимо было подучиться в аспирантуре. А Серегу в нее не пустили за аморальное поведение в университете. Да, честно говоря, аморальными его действия было назвать нельзя, просто пошутил Сергей не очень удачно в морге, когда был оставлен на ночное дежурство.

А дело было так. Студенты пятого курса периодически проходили практику в морге с патологоанатомом. Это было самое скучное и никому не нужное время проведения, потому что врач дядя Ваня, который окончательно спился на своей нелегкой работе, абсолютно не давал будущим «Гиппократам», никаких знаний. А самым дотошным сту-

дентам он заявлял: «Читайте учебники, там все написано». И часто студенты сами потрошили трупы, ковыряясь в них, с трудом понимая какой орган они терзают.

– Ну, кто сегодня со мной «жмуриков» принимать будет? – поправив очки, и потянувшись в кресле, сказал дядя Ваня, обращаясь к группе студентов, которые рассматривали распоротую брюшную полость у трупа. Раздался писклявый голосок студентки Борисовой Даши по прозвищу «куколка»:

– Пускай Потапов дежурит, он уже целый месяц в морге не был.

– Ничего, я свое после наверстаю- сквозь зубы процедил Потапов.

– После мы все тут наверстаем, философски закончил дядя Ваня, значит Потапов, всем разойтись, а ты Сергей останься.

Студенты пошли в гардероб одеваться, только горемыка Потапов тяжело вздохнул и, закурив сигарету, остался в морге.

Время шло медленно, дядя Ваня распорядился, чтобы Сергей убрался в операционной: протер пол и почистил режущие и пилящие медицинские инструменты.

– Ну что, навел порядок «двоечник», – с усмешкой сказал дядя Ваня, —

садись за стол, поболтаем.

– О науке, что ли вашей? – нехотя ответил ему Потапов.

– Да, о моей науке говорить нечего, все потом с опытом

узнаешь. Просто о жизни покалякаем, – при этих словах дядя Ваня пыхнул последней сигаретой и затушил ее в старую консервную банку, которая служила ему пепельницей.

– О жизни хотите поговорить, в морге-то. – Потапов ехидно улыбнулся.

– А почему нет? Ведь только в морге, с покойниками, можно понять, что ты живешь. Вот ты знаешь, Серега, если ты не будешь думать о смерти, то никогда не узнаешь жизнь. Ведь только смерть превращает нашу жизнь в судьбу. При этих словах дядя Ваня достал из шкафа мензурку со спиртом и поставил ее на металлический стол.

– Я тебе наливать не буду, а то скажешь, преподаватель студентов спаивает.

Дядя Ваня как-то злобно хихикнул и налил себе спирта в стакан. Он быстро его опустошил одним залпом, занюхав рукавом засаленного пиджака. И стал продолжать.

– Вот, к примеру, батюшка Соломон говорил...

– Кто такой Соломон? – перебил его Потапов.

– Соломон – это библейский персонаж, израильский правитель.

– Да ну, и что же он говорил?

– «Все суета сует и ловля ветра», ты знаешь, я эти слова стал понимать, только работая в морге. Вот посмотри, вон на тот труп старушки – и врач показал пальцем на стоящую телегу с трупом старухи под пожелтевшей простынею. Тридцать лет назад она любила и ее любили, были страдания и му-

ки, она рожала детей, сколько было радости, сколько было печали в ее жизни. А вот сейчас все, нет ничего, вся жизнь в прах, точно все суета сует. И самое главное, что все мы будем вот так лежать. Ты это должен почувствовать, словами это не передашь, состояние мудрости Соломона и величие этих слов. Ты еще, Потапов, молод- дядя Ваня махнул рукой в сторону студента и как-то быстро захмелел. Он снял очки и положил седую голову на стол, произнеся последнюю за ночь фразу:

– Я хочу спать.

И моментально отрубился, слегка похрапывая.

Сергей посмотрел на спящего патологоанатома, встал со стула, и медленно стал обходить владения «Харона». В помещении стояли три тележки с трупами, закрытые простынями. Он подошел к одной из них, открыл простынь у изголовья. Бабушка спала вечным сном. Сергей усмехнулся и пробурчал под нос песенку известной рок группы «Спящая красавица, спит не просыпается» и, щелкнув труп по холодному носу пальцем, подумал: «Да, отвратительная вещь эта смерть, делай что хочешь с этим телом, а оно хоть бы хны, мерзость, и самое главное, что от этого никто не уйдет. Это произойдет с каждым». Сергею стало как-то грустно и противно на душе. Он прошел через весь зал и направился к шкафчику, откуда дядя Ваня доставал свое волшебное зелье. Открыв со скрипом стеклянную дверцу, Сергей достал мензурку со спиртом, налил в стакан и выпил залпом. Горло

и рот обожгло словно огнем, он перевел дыхание и побежал к водопроводному крану. Наспех его открыл и стал жадно глотать струйку холодной воды. Вытер рот рукавом халата, который висел на вешалке. Через две минуты на душе стало легче и ему захотелось отбить степ на мраморном полу. Он, щелкнув пару раз каблуком, потом носком ботинка посмотрел в сторону спящего дяди Вани. «Да, крепко спит Джек Потрошитель», подумал Сергей.

Настроение стало меняться в лучшую сторону. Часы показывали за полночь, но спать Сергею в морге не хотелось. Причем в нем с каждой минутой просыпалось игривое настроение. Хотелось петь и танцевать. «Эх, подружку бы сюда» – подумал он и закурил последнюю из пачки сигарету.

Потом он снова подошел к труп, скинул с него простынь и посмотрел на старое обнаженное тело «спящей красавицы». «Чем не пара Джек Потрошитель и спящая принцесса» – подумал он и стал аккуратно стаскивать тело с телеги. Оно как-то нелепо плюхнулось на холодный мраморный пол. Сергей оглянулся в сторону уснувшего преподавателя, но тот даже не поменял позу спящего. Он потащил волоком труп по залу к столу дяди Вани. Усадив грузную женщину на стул напротив преподавателя, он предал ей достаточно смешную позу для трупа. Он нацепил женщине дяде Ванины очки, а в зажатый кулак вставил электрический нож для разрезания грудной клетки. Сергей отошел подальше от стола и стал давиться от смеха, он периодически закрывал рот, дабы его

восторг не услышал спящий преподаватель. Вид у покойницы был ужасно нелепый. Грудь, которые напоминали уши кокер спаниеля, впалый живот и дряблая сморщенная кожа. «Вот он апогей человеческого ужаса! Вот он восторг человеческого бытия!» В Сергее стал просыпаться поэтический дар безумства. Он еще минут пять любовался своим творением, потом отбил свою неумелую чечетку, которой его обучали в детстве во дворце пионеров, повернулся и пошел в гардероб одеваться. «Вот завтра дядя Ваня проснется и обалдеет от ужаса, вот будет умора, хотел бы я посмотреть на его физиономию» – думал Потапов, натягивая куртку. Сергей жил в двух кварталах от морга, поэтому без труда добрался до дома.

Но наутро вышло все не так, как он думал.

К семи часам утра к моргу подъехало такси, из которого вышли мужчина и женщина с большой сумкой. И кто бы мог подумать, что это были родственники нашей «спящей красавицы», которая гордо в неглиже восседала перед спящим патологоанатомом. Они, тихо и не спеша, вошли в морг, с траурной печатью на лице, открыли дверь в операционную и их взору представилось спокойное и невозмутимое действие. Мужчина и женщина сначала посмотрели друг на друга. Потом у дамы подкосились ноги, мужчина успел поддержать свою подругу за локоть. Прошло минуты три, как она пришла в себя. Женщина собралась духом, крепко сжала в руке дамскую сумочку. И что есть силы начала кричать: «Ах, ты

старый извращенец! Ах, ты паскудник! Что ты сделал с моей мамой!». При этом она подбежала к спящему дяде Ване и начала со всей силы лупить его по плешивой голове. Разумеется, что дядя Ваня ничего не смог понять. И когда он открыл глаза, то в первую очередь увидел мертвую старушку с операционным ножом в руке, которая сидела перед ним. Он спросонья заорал еще громче чем женщина: «Ой блин! Ой ожила! Что делается то!» Он издал душераздирающий крик, каким-то странным междометием: «Ага – Ууу-Аа!». Но женщина не унималась и продолжала бить бедного преподавателя с еще большей силой.

Потом вмешался, по всей видимости, ее муж. Он отодвинул плечом свою супругу в сторону и с размаху кулаком влепил дяде Ване по лицу затрещину, что тот отлетел в сторону шкафа и разбил стеклянные мензурки, которые стояли на полочках. Следующий удар пришелся ногой в живот. Дядя Ваня не смог вздохнуть, он скрючился на полу и хрипел, как раненный зверь, крепко от боли сжав кулаки. Мужчина продолжал его бить ногами, приговаривая единственную фразу: «Это тебе за мою любимую тещу, зоофил проклятый». По всей видимости, он не совсем понимал значение последнего выражения. Его супруга стояла в стороне и тихо плакала. На этот шум сбежались врачи, которые только пришли на работу.

Они с трудом оттащили взбешенного родственника от окровавленного патологоанатома, который уже чуть ды-

шал на полу... Чем закончилась эта история, я думаю всем понятно.

Сергея Потапова хотели отчислить из института за эту глупую и жестокую шутку, но вмешался его отец, заслуженный врач района. Его удалось отмазать большими деньгами перед родственниками потерпевшей. И он остался для продолжения учебы.

Но при распределении на работу после окончания университета неудачливого студента направили во тьму тараканью, в село под названием Большая Ольшанка в Саратовской области. Причем, где находилась Малая Ольшанка – не знал никто. Вообще названия русских деревень меня всегда умиляли.

Отец Сергея не стал вмешиваться в распределительный процесс деканата университета и любимый, единственный отпрыск отправился лечить сельчан в Саратовские степи. Мать плакала на вокзале, отец ее успокаивал достаточно пошлым выражением, для интеллигентного человека: «Я тебе всегда говорил, что быстрота впрыска не отражается на качество отпрыска. Ну, ничего ведь в этой, как ее там, Ольшанке, да, там тоже люди живут и их тоже лечить надо. Поработает, опыту наберется, поумнеет и вернется в город»

Добрался новоиспеченный врач по местному бездорожью до места работы без особого труда. Он отыскал среди одноэтажных, ветхих домиков сельскую больницу, которая обслуживала кроме Ольшанки еще девять окружающих деревень.

На всю больницу был один автомобиль по прозвищу «Козелок труповоз»

Сергея поселили недалеко от больницы, на соседней улочке, у старушки по имени Пелагея. Это была шустрая и худощавая бабушка. Жила она одна, муж ее погиб на фронте в сорок первом, а дети ее разъехались жить по разным городам. Но от одиночества Пелагея не страдала. Дом и огород она содержала в образцовом порядке. На стенах бревенчатой избы висели фотографии ее родных и близких, врезки из фронтовых газет были аккуратно вложены под стекло в раме. А на маленькой кухне над печью, которая занимала половину комнаты, висели травы и издавали иной раз весьма неблагоприятный аромат.

– Это для чего у вас такой гербарий собран? – первым делом спросил Сергей.

Бабка Пелагея встала с табуретки и быстро шагнула к печи.

– Это, милочка, лечебная травка и я ей полсела лечу. Вот посмотри, и бабка сняла с веревки пучок травы, – это зверобой от многих хвороб помогает, а это пустырник, он у нас в конце лета цветет, от головы и от болей в пояснице лечит.

Сергей улыбнулся и поближе подошел к засушенному цветнику.

– Нетрадиционная медицина, значит.

– Ну, это так по-вашему, а у нас она как раз в традициях. Я этой травкой многих с того света вытащила.

– Значит, будем врачевать вместе – закончил диалог Потапов и прошел в спальню распаковывать маленький чемоданчик.

Жизнь в селе Ольшанка текла медленно и размеренно, но достаточно уверенно по сравнению с городской суетой. Сергей долго не мог привыкнуть к такому сельскому спокойствию. Каждое утро он шел в больницу и вел прием пациентов. К обеду поступал список вызовов и он, с молоденькой медсестрой и водителем Николаем, объезжал близлежащие деревушки у села Ольшанки. Иногда его охватывала легкая тоска по городской жизни, и он впадал в меланхолию. Ему казалось, что он выброшен из нормальной жизни и застрял в какой-то непреодолимой болотной рутине, из которой выбраться на тот момент не было никакой возможности. От такого подавленного состояния, Сергей все чаще просил бабушку Пелагею к ужину купить у соседки бутылку дубового самогона. И он в один присест опустошал целую бутылку с картошечкой и белыми, солеными грибочками. Так прошло полгода, которые превратились в один большой день.

– Много пить ты стал Сереженька, – причитала Пелагея, видать на душе у тебя муторно. Дивчину ты бы себе завел, что ли. У нас, вон, сколько девок на выданье.

Сергей многозначительно посмотрел в глаза бабушке Пелагеи, провел ладонью по жирным волосам и сказал:

– Если жизнь проходит мимо, значит ты ей не нужен.

С этими словами Сергей встал со стула, медленно потя-

нулся, и направился в свою комнату на покой. Заснул быстро. Пурга в эту ночь разыгралась нешуточная. Деревья за окном потрескивали от холода и ветра. Но изба была хорошо протоплена, и печка- голландка нежно обдавала своим теплом дом. После принятого самогона Сергей быстро провалился в сон.

Около трех часов ночи раздался стук в дверь. Бабка Пелагея быстро вскочила с кровати, накинула поверх ночной рубашки тулуп, который висел на вешалке около входной двери и вышла в сени.

– Кто там? – чуть слышно произнесла она.

За дверью раздался хриплый голос водителя Николая.

– Открывай, Пелагея, это я водила за врачом приехал.

Пелагея быстро отворила дверь и впустила водителя скорой помощи.

– Где твой постоялец? Буди его, В Широким Уступе дед Михай помирает. Помощи просит.

– Ох, он окаянный, – простонала Пелагея, неужто к своим чертям в ад отправится.

– Не знаю куда он отправится, а спасти человека надо, давай буди врача.

Пелагея побежала поднимать Сергея.

Потапов встал быстро, ему было не привыкать к таким ночным наваждениям. Он оделся и стал собирать чемодан с медицинскими принадлежностями. Пелагея все время наговаривала на пациента какие-то несусветности.

– А ты чего, бабушка Пелагея, так злишься на этого деду Мухея? Видать в молодости дружбу водили – ухмыльнувшись, сказал Сергей.

– Да какую там дружбу, дед Мухей колдун черный. Сколько он зла натворил, не знает никто кроме меня. А вы, вот, в такую погоду собираетесь этого черта спасать. Чай, все дороги занесло. А он еще на окраине села живет, возле Березового оврага, где старые татарские курганы, там точно не проехать в такую метель.

– Не ворчи Пелагея, – вступился Николай, – я тоже слышал краем уха, что дед Мухей с нечестью водился, ну- так под старость, уже, наверное, остепенился, и нет никакого прока с него нынче.

Бабка Пелагея втянулась как-то в тулуп, села на табуретку и продолжала лепетать.

– Нет прока говоришь. А вы знаете, что ему уже под сто лет стукнуло, а он все как пятидесятилетний ходит и помереть не может. И знаете почему?

– Конечно, не знаем- с той же ухмылкой сказал Сергей.

– Потому что дар своего колдовства он передать никому не может, а значит и умереть по-человечески не умеет. Грешник он большой. В таких случаях говорят: «Грехи в рай не пускают»

Сергей уже был готов к отъезду, одевая валенки с калошами он махнул рукой в сторону рассказчицы:

– Сказки все это, бабушка, несусветны. С этими словами

он вышел за дверь и поплелся, кутаясь в тулуп, к поджидающему его автомобилю.

Машина без особого труда завелась и медленно сквозь ночную метель стала набирать скорость в направлении деревни Широкий Уступ, которая находилась в тридцати километрах от села Ольшанка. Фары тускло освещали дорогу, видимость ухудшали хлопья снега, которые то и дело налипали на лобовое стекло автомобиля. Путь лежал через лес и большие сосны своими мохнатыми лапами-ветвями били о боковые стекла, наводя мистическое настроение на путников. В салоне скорой помощи было тепло, но не хватало свежего воздуха, и Сергей не заметил, как задремал. Разбудил его вой собаки при подъезде к дому деда Михея.

– Ты смотри, как воеет, видать точно к покойнику, словно ребенок плачет. – выключая двигатель, сказал Николай.

– Выходите, начальник, уже приехали.

Сергей не спеша открыл дверь и вышел из машины. Оглядевшись, он увидел маленький домик, который находился среди густых деревьев. Метель, к этому времени, уже стихла. Сергей открыл калитку палисадника и вошел во двор. Собака заскулила еще сильнее. Он поднялся по низким ступеням и постучал в тяжелую дубовую дверь. Через полминуты слышались шаги и дверь со скрипом открылась. Из дверного проема показалось лицо девочки на вид лет десяти. Она тихим голосом сказала:

– Вы к больному? А он уже умер. Вы немного опоздали.

– Ты наспустишь осмотреть пациента?

– Да, конечно, проходите, только нагнитесь, а-то потолок очень низкий в коридоре.

Сергей и водитель Николай прошли в дом. Изба была хорошо протоплена, и в печи догорали поленья.

– Начальник, а зачем мы туда пойдём, ведь дед Михей уже преставился на небеса – пробурчал водитель.

– Нам обязательно нужно осмотреть тело, не везти же его в морг, и необходимо вскрыть труп.

– Ну, это тогда без меня, я в машине подожду. Водитель развернулся и вышел из дома.

Сергей разделся и прошёл за девочкой в маленькую комнату.

– А ты, кто будешь покойнику, внучка? И как тебя зовут? – вежливо спросил Сергей.

Девочка повернулась к Сергею и посмотрела ему в глаза. Такого красивого лица Сергей никогда не видел. Было такое ощущение, что на него смотрел ангел с голубыми глазами.

– Нет, я не внучка. А зовут меня Вельзувия.

– Какое странное имя, с первого раза и не запомнишь. Кто же тебя назвал так?

– Меня никто так не называл, оно у меня было всегда.

– Что значит всегда? – удивленно спросил Сергей.

– Всегда, это всегда. От самого начала, значит.

– Ерунда, какая то, ну да ладно, где можно вымыть руки и разделеться?

– Вон там – и девочка показала пальцем на соседнюю комнату.

Сергей, не спеша, помыл руки. Он обратил внимание на стены в комнате, они были исписаны черной сажей. Какие – то, странные буквы плясали по всей комнате свой причудливый и не замысловатый танец. Шрифт Сергей не смог разобрать это, по всей видимости, был греческий алфавит. Иногда среди них попадались какие – то интересные рисунки необычных человечков. Посреди комнаты висели большие козлиные рога. Тихо шли небольшие часики с кукушкой, а на лавке лежал большой черный кот с пушистым хвостом и пристально наблюдал за действиями Сергея. В комнате пахло благовоньями. На столе стояли глиняные чашки и тарелки. Мебель была простая, деревянная, по всему было видно, что ее сделал сам хозяин.

– Ну, вот и все, сказал Сергей, – вытирая руки, – где твой дедушка?

– Пойдемте.

И Сергей с девочкой прошли еще в одну комнату, по всей видимости, это была спальня. В углу стояла большая деревянная кровать, на ней лежало тело старика. Казалось, что человек спал, на его лице было выражено полное умиротворение, только густые брови и глаза выдавали, какое-то скрытое беспокойство. Хотя глаза были закрыты, казалось, что человек немного зажмурился и наблюдал за происходящими в его комнате событиями. Сергей подошел к телу, пощупал

пульс.

– Ну, что же, диагноз подтвердился. Дедушка твой умер, многозначительно и со вздохом произнес Сергей.

– Не совсем.

– Что значит не совсем? Нет уж, здесь природу не обманешь. Человек мертв.

– Он еще не сделал самого важного, – сказала девочка, как – то, по – взрослому.

Сергей был удивлен, посмотрев ей в глаза. В ее зрачках он увидел, какое – то тусклое, голубое свечение. Казалось, она смотрела не на него, а в его суть, в его душу. От такого взгляда ему стало не хорошо.

– Ты что так на меня смотришь? – как смог выдавил он из себя.

Девочка улыбнулась и спросила:

– Как?

– Ну, как – то странно.

Сергей встал с табуретки, подошел к телу, аккуратно его поднял и переложил на стол.

– Что вы будете делать? – спросила она.

– Мне нужно определить, почему твой дедушка умер.

– Я знаю и без вас.

Сергей усмехнулся и спросил.

– Ну и...

– Его время пришло! – ясно и четко произнесла она.

– Только патологоанатома твой ответ бы не устроил. Ты

пойди в соседнюю комнату и посиди. Думаю, то, что я сейчас буду делать, эта процедура не для детей. У тебя мама или папа есть? Может быть тебя к ним отвести?

– У меня нет родителей, я одна.

– Ну, может быть к соседям пойдешь?

– Нет, не пойду! – сказала девочка таким тоном что, стало понятно, на эту тему она разговаривать больше не желает.

Сергей открыл чемодан и стал доставать из него инструменты для вскрытия трупа.

Девочка внимательно смотрела за каждым движением врача.

– Дедушка Михей не доделал свою работу до конца. – Тихо сказала она.

– Какую еще работу?

– Он не нашел учеников и не передал им свой дар, поэтому его душа не сможет найти покоя на этой земле.

– А ты откуда это знаешь? – удивленно спросил Сергей.

Девочка сделала небольшую паузу и тихо сказала:

– Я и есть этот дар.

Сергей внимательно посмотрел на девочку. Потом встал со стула и рассмеялся.

– Перестань нести чепуху, малыш. Лучше отойди и не мешай мне работать. Наверное, ты очень устала. Иди в комнату и отдохни. Может быть, придешь в себя.

Сергей хотел что-то еще добавить, но обратил внимание, что девочки уже не было. Потом сказал:

– Ну, вот и правильно.

С этими словами, он снял рубаху с трупа и стал делать прямой разрез скальпелем вдоль грудной клетки. Лезвие мягко вошло в кожу и получился достаточно прямой и ровный надрез. Потом он достал электрический нож из чемодана, вставил вилку в розетку и круглое лезвие ножа почти бесшумно зажужжало. Грудная клетка была вскрыта. И он стал осматривать сердце и легкие: «Да, подумать только, сердце совершенно не повреждено, и сосуды выглядят как у молодого человека. Очень сложно ставить диагноз, отчего умер этот человек» – размышлял он. После небольшого анализа и рассуждений, Сергей достал из чемодана нитку с иглой, и стал готовиться к зашиванию тела. Вдруг, он услышал за окном легкий стук или мягкие шлепки по стеклу. Сергей подошел к окну, раздвинул занавески и увидел маленькую птичку, которая билась о стекло форточки. Присмотревшись внимательно, он определил, что это была ласточка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.